

© 2020

С. Д. Бодрунов¹

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ТЕОРИЙ НООНОМИКИ И СОЦИАЛИЗМА*

Ключевые слова: *ноономика, Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2), коммунизм, социализм, технологический прогресс, производственные отношения, собственность, марксизм.*

Второй за два десятилетия мировой кризис, начавшийся еще до пандемии, сделал вопросы стратегического переосмысления будущего не просто значимыми теоретически, но и весьма актуальными в практическом аспекте.

В настоящее время исследование возможных качественных изменений технологий и социально-экономических отношений будущего продолжает вестись преимущественно в ключе прежних парадигмальных подходов и установок. Между тем, как показывает практика, изменения эти носят качественный характер, возникают новые глобальные проблемы, природа которых лежит отнюдь не только в рамках традиционной проблематики современных учений — к примеру, как классической, так и неоклассической экономической парадигм. Новые реалии настоятельно требуют поиска нестандартных подходов и инструментов,

позволяющих адекватно исследовать и оценивать грядущие перспективы.

В качестве такого инструментария нами предложена концепция Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и, затем, качественно нового состояния общества — ноообщества на базе отрицающей современную экономику ноономики (Бодрунов, 2016, 2019с). Важно подчеркнуть, что данная теоретическая платформа принципиально отличается, при некоторой внешней схожести, от того видения будущего, которое характерно для исследователей, продолжающих работать в русле классической марксистской политической экономии.

Почему полагаем необходимым обратить на это внимание? Основанием для написания данного текста стали неоднократные попытки многих коллег найти «параллели» теории ноономики с теми или иными аспектами политэко-

¹ **Бодрунов Сергей Дмитриевич**, доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, Москва, Россия (inir@inir.ru).

* **Цитирование:** Бодрунов С.Д. (2020). К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма // Вопросы политической экономии. № 3 (23). С. 52–66

DOI: 10.5281/zenodo.4067045 (<https://zenodo.org/record/4067045>)

номии, «объяснить» ее с точки зрения политэкономического взгляда на развитие общества. Наиболее явно эти попытки просматриваются в серии работ профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, руководителя Центра социэкономии А.В. Бузгалина, недавней статье профессора экономического факультета МГУ А.В. Сорокина¹, посвящённой в значительной степени анализу нашей концепции ноономики, в докладе чл.-корр. РАН Р.С. Гринберга² и др.

Следует отметить, что первые из упомянутых уважаемых авторов стремятся к некоторому обновлению традиционного классического политико-экономического подхода, оставаясь в то же время в главном классическими политэкономами, что, очевидно, связано с их активной деятельностью в рамках кафедры политэкономии МГУ, сохраняющей традиции классической школы.

Так, А.В. Сорокин, долгое время работая над проблемой сопряжения категорий «Капитала» К. Маркса и неоклассического видения природы ценности, прибыли и т.п., в свое время предложил вниманию научной общественности оригинальную теорию общественного богатства (Сорокин 2009), а также немало других, весьма ценных в научном отношении разработок. Обращение этого ученого к анализу нашей концепции НИО.2 и ноономики для нас весьма значимо и заслуживает специального анализа.

Надо отдать должное: автор в своей статье в основном адекватно отражает предлагаемую нами теорию; в то же время его сравнительный анализ теории ноономики и ноообщества с те-

орией социализма и коммунизма, а также критика нашего ключевого тезиса о постепенном движении человечества к новому качеству общества, являющемуся уже не собственно экономическим, выдает, на наш взгляд, в авторе именно классического политэконома, изучающего производственные отношения людей, складывающиеся в процессе производства, обмена, распределения и потребления и базирующиеся на системе определенных производительных сил. В этом же ключе построено и его сравнение теории НИО.2/ноономики с социализмом и коммунизмом. Возможность и обоснованность проведения таких параллелей — предмет нашей полемики.

Заметим, что и А.В. Бузгалин в своих работах, посвящённых видению будущего, хотя и стремится к некоторому переосмыслению традиционных постулатов научного коммунизма, в главном все же остается «правоверным» марксистом, утверждающим, что будущее — это коммунизм и путь к нему лежит через социалистическую революцию (Бузгалин, 1996).

Безусловно, можно детально и тщательно прорабатывать — аспект за аспектом, позицию за позицией — принципиальные отличия обсуждаемых взглядов. Однако, в силу того что на классической политэкономической парадигме выстроены были основные положения известных всем программных документов советского идеологического базиса и именно он остается в основе исследовательских построений коллег, нам представляется, что для разъяснения наших различий достаточно будет дать в сокращенном виде некоторый анализ ряда этих положений с точки зрения теории ноономики.

Итак, перед нами стоит вопрос — насколько предлагаемая нами теория

¹ Сорокин, А.В. К развитию концепции нового индустриального общества второго поколения и ноономики / А. В. Сорокин // Экономическое возрождение России. – 2020. – №3 (65). – С. 44-45

² Презентация книги «Ноономика» на выставке Non/fiction - 2018 . URL: <https://noonomu.ru/2018/11/30/nonfiction/>

НИО.2 и ноообщественного устройства сходна с традиционной теорией социализма и коммунизма.

Инерция политэкономического мышления рождает проблемы в понимании будущего

Прежде всего, отметим, что автор данного текста отнюдь не считает любых своих оппонентов из политэкономической когорты (а их немало и в России, и за рубежом) «старомодно» мыслящими. Более того, некоторые из них полагают теорию ноономики «вкладом в развитие политэкономии в XXI веке» (так отмечено в аварде Всемирной политэкономической Ассоциации, наградившей автора «Ноономики»). Дело в ином: они остаются учеными, работающими в традиционной классической политэкономической парадигме. И хотя некоторые из политэкономов живут, скажем, более «современной жизнью» и развивают политэкономия, тем не менее, основные политэкономические взгляды у них сохраняются. Между тем, на наш взгляд, сегодня далеко не все явления нашего бытия и развития укладываются в традиционные рамки этой теоретической платформы; требуются определенные усилия, для того чтобы оторваться от традиционных представлений и подумать о том, какими могут и должны быть качественно новые подходы.

Это утверждение, конечно, не означает, что эти новые представления могут появиться на пустом месте. Теория ноономики выросла из вполне политэкономических взглядов автора на ранних этапах исследования. Новые представления могут вырастать, скажем, как пшеница: из зерна вырастает колос — тогда, когда появляются необходимые для этого условия. Колос и зерно, реализующие сходные функции, не слиш-

ком похожи внешне, но имеют одни и те же корни. Еще более подходит пример с обезьяной и человеком — имея общих предков, они отличаются уже более существенно. В этом плане вещи, которые, с одной стороны, имеют общую корневую систему, основу, могут отличаться, и даже радикально. Но это далеко не сразу видно — издали человек и обезьяна практически идентичны. И для установления отличий необходим другой инструмент, позволяющий рассмотреть предмет исследования в более пристальной перспективе.

Поэтому продолжающиеся экзерсисы уже известной «алгеброй» поверить новую «гармонию», в нашем случае — известным «аршином общим» политэкономии измерить «особенную статью» качественно нового состояния общества плюс всё более отчетливо просматривающихся перспектив его развития и отражающую это теорию ноономики, могут вести к некорректному пониманию сути теории. Попытки «загнуть» концепцию ноономики в политэкономические рамки, которые кажутся правильными, сходны с попытками колос описать как зерно. При этом, безусловно, ноономика вырастает из экономики, у них общее корневое происхождение — потребности людей, и оба этих феномена едины в том, что это суть механизмы удовлетворения потребностей, но это — разные механизмы, и один из них (как колос отрицает зерно!) сменяет другой естественным образом в связи с изменяющимися условиями своего проявления — с ускорением ускорения НТП, с развитием человека, его человеческих (ноо!) качеств.

Общество — это историческое явление. Ключевое понятие здесь — развитие, изменение условий проявления сущностей. Общество — это тоже инструмент удовлетворения человеческих

потребностей. Регулирование отношений в обществе производится в разные исторические времена по-разному. Появилось на определенном этапе, к примеру, государство, оно развивалось, появлялись институты, которые все больше и больше работали на удовлетворение все новых потребностей, потребностей и явных, и завуалированных, и т.д. Можно по-разному их квалифицировать, классифицировать. В этом плане этапы, которые определил классический марксизм, этапы формирования общества (в советской интерпретации — это рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм и социализм как его первая фаза) — это категории, которые очерчивают рамки, в которых исследуется развитие общества, с определенной позиции. Отталкиваясь от этого, и возникает стремление сравнить НИО.2 и социализм, нономику и коммунизм.

Ошибочность параллели НИО.2 и социализма

Начнем с параллели НИО.2 и социализма. Классическая политэкономическая схема (наиболее часто встречающаяся в базовых учебниках по политэкономии социализма (Румянцев, 1985) — это теория экономики, основным производственным отношением в которой является общественная собственность на средства производства (при отсутствии других форм собственности), и вытекающие из этого следствия — планомерность развития, ориентация экономического развития на рост благосостояния трудящихся и т.п. (оговоримся: были и другие схемы — в частности, школа Н.А. Цаголова, из которой, кстати, вышли и А.В. Сорокин, и А.В. Бузгалин, предлагала в качестве исходного отношения планомерность, а в качестве основного — непосредственно

общественное соединение ассоциированных производителей с обобществленными средствами производства, рассматривая общественную собственность как проявление этих и производных от них производственных отношений (Цаголов, 1974).

Но в каком направлении реально пошло общественное развитие?

Во-первых, объективный процесс рождения НИО.2 идет по пути, далекому от модели революционного установления общественной собственности (в том понимании, которое предлагала классическая политэкономия; впрочем, какого-то достаточно подробного и непротиворечивого описания этого феномена дано не было). Форма собственности, которая становится базовой в НИО.2, будет отличаться от того понимания, которое есть в учебниках по политэкономии, которые все мы изучали в свое время (преимущественно государственная собственность как форма некой «общенародной собственности на средства производства») — это преимущественно диффузная «форма» собственности, которая формируется постепенно, вырастая из тех форм собственности, которые сегодня есть. Будет все более и более широкое «разделение», «расщепление» собственности — и «по времени» (к примеру, последовательное, все более «дробное» владение), и по значимости, и по функциям («параллелям», к примеру, в последнем случае — на целый спектр ее функциональных принадлежностей, т.е. в отношении функций владения, управления, использования, распоряжения и т.д.). Мы об этом писали, не будем вдаваться здесь в детали (Бодрунов, 2019b). Важно иметь в виду, что собственность как феномен находится в постоянном развитии, трансформации. Она всякий раз, во всякий исторический

период — разная, у нее есть различные аспекты, из которых и проистекает развитие этого феномена, изменения его субъектов и объектов, ряд из которых лишь в последнее время становится объектом исследования собственности как социально-экономического отношения. И происходит это не случайно, а вследствие прогресса технологий.

Один из наиболее важных примеров последнего — развитие феномена «интеллектуальная собственность». Прогресс технологий и превращение знаний в главный ресурс развития и высшую ценность, производительную силу обусловили в свое время возникновение нового объекта собственности, к возникновению интеллектуальной собственности. Знания становились все более важным ресурсом для того экономического базиса, который тогда формировался и продолжает трансформироваться (кстати, в НИО.2 интеллектуальная компонента производства, в виде сублимированного знания, станет основным ресурсом, но её статус как собственности видоизменится, о чем скажем чуть позже). Соответственно, появились уложения, закрепляющие все слагаемые интеллектуальной собственности: патенты и иные формы, обеспечивающие «огораживание» этой собственности. Но точно так же, обусловленная историческим процессом, развитием технологических возможностей доступа к знаниям для все более широкого круга пользователей интеллектуального ресурса, уже началась и будет далее идти диффузия и этого вида собственности. И этот вид собственности так же постепенно, исторически вынужденно, будет «уходить» с разворачиванием процесса, в рамках которого отдельные, «параллельно» и «последовательно» разделяемые функции собственности будут редуцировать свое значение.

Таким образом, состоится переход к иной «форме» собственности, которую мы условно могли бы назвать «диффузной» собственностью. Это будет «разноформенная» форма собственности, «смешанная» форма собственности, «размытая» форма собственности, которая, тем не менее, будет предназначена для реализации той функции, что и сейчас — по своему назначению, по своему использованию, скажем, функциональному значению, по своей значимости и т.д., для развития общества, в конечном итоге — для удовлетворения потребностей людей. Сегодня мы видим бурное нарастание (конечно, безусловно, «в борьбе» с традиционными формами) значения и доли прообраза такого вида собственности в практической экономике — так называемой «ассоциированной собственности». Правда, мы считаем этот термин некорректным принципиально, поскольку в историческом контексте идет не ассоциирование (соединение) собственности, а наоборот — «диссоциирование», диффузия собственности.

Суть явления, феномен собственности как таковой на этапе НИО.2 еще сохраняется, но происходит изменение формы собственности, а через это — подготовка к другому ее «существованию», ее «испарению» в мире будущего — в ноономике. Это — аналог изменения физической формы вещества. Проведем параллель и представим, что собственность — вода. В одних условиях («холодное, мерзлое общество», экономическое общество) — это лед, кристалл. Потеплело (переход к НИО.2) — диффундировал кристалл в жидкую, размытую форму. Молекулы (суть жизнедеятельности всякого общества — удовлетворение потребностей) — одни и те же. Ещё нагрели (переход общественного развития к

нооэтапу) — вода диффундирует в пар, в иное, ещё более диффузное состояние, постепенно (с развитием ноообщественных отношений) испаряется до полного исчезновения (исчезновения собственности), хотя отдельные молекулы (основа) остаются. Собственность как институт — испаряется, в то время как то, что составляло объект собственности, — остается.

Сейчас мы также видим некоторые проявления еще одной стороны этого продвижения. В разных видах (и назывались эти виды проявлений по-разному, иногда даже — с искажением сути) они были всегда. Вспомним, к примеру, советские так называемые общественные фонды потребления. Или посмотрим на нынешние тенденции в сфере удовлетворения потребностей, всегда бывшие и ранее, но сейчас всё более широко развивающиеся. Это касается широкого спектра товаров и услуг, потребляемых людьми бесплатно (т.е. вне парадигмы экономического способа распределения и удовлетворения потребностей). То же самое относится к деятельности волонтеров, благотворительности, спонсорству, «творчеству не на продажу» и др. Иными словами, когда «собственность» (продукт, услуга) отчуждается без замены на другую «собственность», ее значение именно как «собственности» теряется. Но это — не развитие в сторону перехода к «общественной» собственности. Это — развитие в сторону «испарения» собственности. НИО.2, с этой точки зрения, не социализм.

Еще один аспект традиционной теории социализма. Она предполагала усиление роли рабочего класса. Но развитие пошло в ином направлении. По мере генезиса НИО.2 растет роль не рабочего класса, а того «класса» (я не случайно использую кавычки: классов при приближении к ноообществу тоже не станет,

здесь позиции ноономики и теории классического коммунизма совпадают), а тех индивидов (иногда — временно формирующихся групп индивидов), которые владеют основным ресурсом, необходимым для решения задач материального производства, т.е. знаниями. И именно они начинают играть «определяющую роль» в обществе, что, как известно, давно выражено в теориях когнитариата³, о чем мы уже не раз писали. Это — нечто иное, нежели классическое представление о рабочем классе.

Понятно, что формирующиеся в современных условиях лица, добывающие и использующие знания, — это «одноклассники», которые имеют некие общие интересы. А интересы — это социальная потребность, но расширение потребностей, их индивидуализация в НИО.2 (мы это ранее обосновали) приведет к растущему разнообразию этих потребностей, и объединить их в интересы, сформировать на этой базе какие-то такие массовые классы, вероятно, будет невозможно. Это могут быть ситуативные группы, группы по интересам, ситуативные конгломераты — все то, что происходит и все более развивается сейчас в мире.

Поэтому у теории НИО.2 и теории ноономики могут быть лишь сугубо формальные, внешние «параллели» с тем, что в советское время понимали под категориями «социализм» и, соответственно, «коммунизм».

Но нельзя сказать, что они и противоположны, ибо корень — общий и внешние черты во многом (по результату) — схожи, однако содержание и структура их — разные.

³ Употребляя термин «knowledge worker», Даниэл Белл первым изложил концепцию когнитариата (Bell, 1996. P. 343–344). Сам термин ввел в оборот Элвин Тоффлер, заявив о переходе от пролетариата к когнитариату (Тоффлер, 2003. С. 47).

Продолжим. Принятая в СССР теория утверждала, что коммунизм — это некое распределение по потребностям, а социализм — это распределение по труду. От каждого — по способностям, каждому — по труду.

Но что мы имеем в реалиях XXI века, в условиях формирующегося перехода к НИО.2?

Практика показывает, что разворачиваются иные, притом — противоречивые процессы.

Во-первых, значение труда как фактора общественного производства под влиянием технологического прогресса снижается и объективно будет снижаться.

Во-вторых, уже сейчас мы наблюдаем, что, несмотря на повышение возможностей технологического прогресса, позволяющего удовлетворять все более рациональные потребности людей, распределение общественного продукта в условиях современного экономического общества идет абсолютно несправедливо.

Но есть и некие тенденции, напоминающие теорию социализма, поскольку продвижение по пути к НИО.2 — это большая социализация экономики. Но — совсем по иным причинам, чем предписывает теория социализма. Сейчас без прямого участия в трудовом процессе отдельные индивиды (инвесторы, владельцы базовых ресурсов, наниматели тех, кто может использовать эти ресурсы) получают непропорциональную долю в итоговом продукте. Неравенство растет. Причина известна: экономическое общество основано на владении собственностью. Однако переход к новому качеству общественного производства — системе, основанной на знаниях как главном ресурсе развития, и диффузной собственности, постепенно меняет ситуацию. С возрастанием знаниеёмкости продукта распределение общественного богат-

ства и дохода будет становиться более равномерным, более справедливым. Но распределение уже на этапе НИО.2 будет идти не «по труду», а по «знаниеценности». Без прямой привязки к трудовому процессу.

Если сложить приведённые выше факторы вместе, мы получим понимание того, как будет расти социализация общества. Не социализм, где «каждому по труду», не «социализмизация» — социализация.

Люди всё более будут получать от общества не «по труду», а затем, при переходе к ноономике, — и не «по знаниям», «заслугам» и т.п., а на основании того, что они — члены общества. Кто-то из них будет участвовать в трудовом процессе в материальном производстве (до тех пор, пока оно — в процессе перехода от НИО.2 к ноономике — не станет полностью безлюдным), кто-то — нет. Кто-то будет непосредственно (в меру своих знаний и сил, а также необходимости «дополучить» то, что не может пока получить «без труда») участвовать в трудовой деятельности (пока она будет), но у них будут гораздо более широкие возможности получить от общества необходимое для их жизни и развития. При этом будут и другие люди, которые не будут в этой деятельности участвовать, но будут заниматься творческими вопросами, саморазвитием — вот, к примеру, пошутим, будут читать/писать про НИО.2.

Будет ли это трудом? Труд — один из факторов и производственного процесса, и общественного производства. Ноономика — это механизм удовлетворения потребностей людей самоуправляемой (под контролем человека), не зависимой от непосредственного участия человека производственной системой, не предполагающей использования труда как фактора производства. С другой стороны,

труд — в экономическом обществе — это деятельность, предполагающая вознаграждение в рамках распределения «общественного пирога». Нельзя называть трудом то, что человек делает вне этой парадигмы деятельности.

Таким образом, в ноообществе любая деятельность человека — это будет, скажем так, «занятие». Труд — и как фактор производственного процесса, и как фактор производства общественного продукта — будет «усыхать» в НИО.2 по мере перехода к безлюдному производству, полностью «испаряясь» при переходе к ноономике. Период НИО.2 — это период такого перехода. И «получать» люди будут «не по испаряющемуся труду», а по иным критериям.

Конечно, можно заметить, что и при том варианте практического социализма, который был у нас в советское время, люди, которые получали «не по труду», тоже были. Но они жили за счет обирания общества либо другого человека. Это — другой способ «добычи» необходимого для жизни. И это — не параллель с НИО.2.

Все это свидетельствует: НИО.2 и социализм в его советском бытии и понимании — это отнюдь не тождественные феномены. Более того: они качественно различны. Понятно, что и одно, и другое произрастает, если взглянуть на процесс политэкономическим взглядом, из одного корня. Но результаты — разные.

О неправомерности отождествления ноообщества и коммунизма

Что касается коммунизма — высшей фазы этой системы, — то здесь отличия теории ноономики и «высшей фазы» еще глубже.

И дело здесь не только в том, что, в отличие от коммунизма, путь к которому в теории марксизма лежит через коммунистическую революцию, когда

«верхи не могут управлять по-старому, а низы не могут жить по-старому», ноономика — это объективно эволюционно рождающееся новое качество общественного бытия, вызываемое к жизни технологическим развитием (хотя это различие принципиально важно).

Главное отличие состоит в том, что ноообщество — не новая общественно-экономическая формация (подчеркнем — «экономическая», как это традиционно мыслилось в работах «основного течения» советских марксистов), а новое качество общественного бытия (повторим это намеренно еще раз), в котором снимаются, уходят в прошлое именно экономические отношения⁴.

Приведем некоторые вытекающие из этого более частные, но также значимые аспекты различий.

⁴ Следует отметить, что в работах некоторых советских и зарубежных марксистов начала 1960-х — конца 1980-х годов прямо или косвенно высказывались тезисы о том, что коммунизм — это уже неэкономическое общество. Более того, приводились и положения из работ классиков, которые можно было интерпретировать в этом духе. Наиболее ярко эти тезисы прозвучали в работе С. Платонова (Платонов, 1989) и книге «По ту сторону отчуждения» (Бузгалин, Колганов, 1990). Впрочем, идеи будущего общества как постэкономического высказывались далеко не только марксистами. Об этом упоминает в одной из своих поздних статей Дж. Кейнс (Кейнс, 2009); эта тема намечена и постиндустриалистом Д. Беллом (Bell, 1996) и развита имевшим сходные взгляды В. Иноземцевым (Иноземцев, 1998). Но никто из этих авторов не предложил целостной теории нового качества общественного бытия, вырастающего из объективных процессов развития технологий, и в этом — качественное отличие теории ноономики и от идей «романтических марксистов», и от теорий постиндустриалистов, у которых постэкономическое общество является всего лишь слепком с современного устройства стран «центра», где господство финансового капитала и «рыночного фундаментализма» уже породило не переход к новому качеству материального производства — безлюдному, высокотехнологичному, — а к уничтожению материального производства.

Напомним, что для «высшей фазы» будет характерно распределение на основе принципа «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Полагаем, несимулятивным потребностям, видимо, реальным потребностям (хотя этот вопрос остался за скобками детальной проработки в теории коммунистического этапа развития). Здесь также важны принципиальные различия модели «распределения» при коммунизме — по крайней мере, описанного программой КПСС, — от того, что будет в ноообществе. Последнее предполагает, что не будет никакого «по способностям». Будут просто люди жить — и те, у кого никаких способностей нет, тоже будут жить. Будут одинаково нормально жить все — в ту меру, кто как себя осознает. Полагаем, осознает себя, свои потребности, осмысленные и принятые в ноокритериальной базе.

В ноообществе не будет никаких «общественных» вещей, потому что это не будет «общество свободных и сознательных тружеников». Не будет труда — не будет и тружеников. Но, конечно, люди будут действительно свободны. И они действительно будут сознательные. Причем — осознающие размеры личных свобод и осознанно принимающие их пределы. Но вовсе не труженики, а индивиды — члены общества.

Далее. Общественное самоуправление как атрибут коммунизма. В ноообществе, естественно, не будет общественного самоуправления. Это будет другой, особый тип «управления». Мы уже писали об этом в связи с вопросом о государстве (Бодрунов, 2019а): государство по мере генезиса НИО.2 и дальнейшего развития по направлению к ноообществу будет менять свои функции. Останется некий аналог этого института, который будет регулировать отношения

индивидов — на основе осознанного и свободного принятия ими регуляторного «бремени» (помним, «свобода — это осознанная необходимость»). Не управлять, но — регулировать отношения людей, не касающихся их отношений в сфере того самого производства, потребления, распределения, и т.д. и т.п., экономических и вытекающих из них отношений — поскольку таковых не будет, потому что члены ноообщества будут жить за счет потребления продукта, производимого (и воспроизводимого) самодействующей производственной системой, от человека отделенной. С некоторой долей условности можно сказать, что такая производственная система станет частью «природы», экосистемы ноочеловека. Социум будет жить за счет материального производства, где материальная сфера, которая будет производственной системой, сама станет удовлетворять ноопотребности, несимулятивные потребности людей.

И эта система отношений — отнюдь не некая структура под названием «общественное самоуправление» (абсолютно размытое, кстати, понятие). «Самоуправляться» будет производственная система под контролем человека, Это — важное отличие теоретической концепции ноообщества от модели коммунизма.

Продолжим. Та же Программа КПСС провозглашала: «труд на благо общества станет первейшей жизненной потребностью». Вопросы нет, заниматься чем-то — это потребность человека, и это, действительно, объективная потребность. Станет ли она осознанной потребностью? Наверное, может быть, и осознанной человеком потребностью. Потому что он должен осознать, что у него должны быть потребности несимулятивного типа, включая и «труд». Но с точки зрения теории ноономики — это

будет уже не труд, а некое занятие — то, чем человек занимается по своему собственному осознанию, разумению, убеждению и т.д. И не для «рыбки из пруда». Это — нечто иное, чем «труд», который необходим для получения возможности реализации своих потребностей, для удовлетворения своих потребностей. Да, сегодня «без труда не выловишь и рыбки из пруда», но это — экономическое понимание. А в ноообществе — выловишь. В этом плане «труд» не станет «необходимостью», потому что необходимости в труде как таковом не будет. И «первейшая жизненная необходимость» будет иной — мы полагаем, в духовном развитии, саморазвитии, творчестве, на что будут направлены усилия людей.

Еще один аспект видения коммунизма в соответствии с Программой КПСС — на высшей фазе общественные блага «польются полным потоком», «с наибольшей пользой для людей будут применяться способности людей» и т.д. Здесь возникает принципиальной важности вопрос: что есть польза? В экономическом обществе под пользой понимается выгода. Очевидно, что речь в Программе идет не о выгоде. Тогда — о чем?

Точно так же неопределенным является термин «народ». Между тем этот термин играет и в названном документе, и вообще в концептуальной платформе коммунистической теории, немалую роль, ибо он лежит в основе таких понятий, как «общенародная собственность», «интересы народа» и т.п. Этнографические, демографические и т.п. определения народа здесь не подходят, а политэкономического определения народа не существует.

Подытожим: тезис о том, что ноообщество — это некий аналог коммунистического общества, некорректен,

в том числе и потому, что понятие коммунизма, очевидно, было и остается непроработанной гипотезой.

Еще раз к вопросу об отмирании собственности и производственных отношений по мере продвижения к нооэкономике

Завершая наши полемические приемы, полагаем необходимым специально вернуться к проблеме собственности в НИО.2.

Здесь принципиально важным является понимание того, что НИО.2 описывает систему, переходную к нооэкономике, где отношения собственности отмирают, ибо «иссыхает» их объект. Соответственно, в ноосистеме нет и проблемы формы собственности: не может иметь форму то, чего нет. Ну а что касается «диффузной» собственности на этапе НИО.2, то об этом немало написано в указанных ранее текстах автора, вышедших уже после публикации книги «Нооэкономика».

Впрочем, корень проблемы здесь связан даже не с проблемой феномена/понятия собственности, а с ключевым положением теории нооэкономики, в соответствии с которым система производственных отношений уходит в небытие по мере перехода к безлюдному производству. Этот тезис труднее всего воспринимается политэкономией, ибо она не может «отречься» от себя и признать, что ее предмет/объект исследования (а вместе с этим и сама эта наука, как, впрочем, и иные «экономические науки») «испаряется» по мере развития НТП.

Разберемся с существом проблемы.

Читаем, что сказано об экономических отношениях в Большой советской энциклопедии: «...общественные отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена

и потребления материальных благ»⁵. Между тем и распределение, и потребление (особенно потребление) существовали и без экономических отношений. И будут существовать тогда, когда экономических отношений не будет, потому что экономические отношения — это отношения, которые касаются возмездной мены. Эти отношения появились на определенном историческом этапе — тогда, когда потребности расширились до определенного уровня и появилась необходимость их удовлетворять не просто за счет того, что произвел сам, а за счет того, что произведено другим, произведено в системе общественного разделения труда.

Вспомним К. Маркса, «К критике политэкономии». Там говорится об объективности производственных отношений (Маркс, 2011). Можно этот аспект перенести и на вопрос о потребностях. Я могу согласиться с К.Х. Момджяном в том, что потребности существуют объективно (Момджян, 2019) — как и знание. Другое дело, что человек их, потребности, осознать, и в теории ноономики под потребностью понимается то, что уже осознано человеком после открытия им кванта знания о своей потребности.

Такой вариант трактовки потребности важен для теории ноономики потому, что позволяет прийти к разделению потребностей на реальные и симулятивные. И когда человек находится в процессе осознания некоей потребности, он может получить фальшивое знание о ней, на этапе осознания ему можно внушить превратное представление о его собственной потребности. В результате появляются симулятивные потребности. Отсюда вывод: инструмент

под названием «потребность» в нашей трактовке позволяет открыть замок нашего представления о цивилизационном развитии, понять и описать, как человек дальше развивается, в то время как чисто философская акцентуация данного понятия не позволяет его применить для адекватного описания процесса развития общества. Заметим, что, видимо, в этих видах К. Маркс также говорит об осознании, об осознанных потребностях.

Всё, что человек осознаёт, дает ему определённый импульс к жизни. Осознавая, человек ищет баланс потребностей и надёжность. В экономическом обществе надёжность обеспечивает запас, баланс потребностей человека устанавливают экономические условия, критерии: чем больше запас, тем выше надёжность. В ноообществе надёжность обеспечивает технологический прогресс, а баланс потребностей (который человек должен установить сам) позволяет определить, что симулятивно, а что — нет; определить на основе ноокритериев.

Продолжим. В классическом марксизме производственные отношения (развивающиеся в диалектическом единстве с производительными силами) составляют базис, который определяет так называемую надстройку, духовное развитие и т.д. Для нас сейчас важно то, что совокупность производственных отношений нетождественна экономике, более того, нетождественны системы производственных отношений и экономических отношений.

Далее. Совокупность упоминавшихся четырёх частей составляет экономическую структуру общества, а не только отношения, в которые люди вступают сугубо в процессе производства материальных благ. Так что базис, определяющий надстройку, — это экономический

⁵ Большая советская энциклопедия. URL: https://bse.slovaronline.com/31012-POLITICHESKAYA_EKONOMIYA. Дата обращения — 31.07.2020.

базис. Но ведь следует признать, что не вся человеческая жизнь определяется этим базисом, есть ещё духовная сфера, и её детерминация иная. Отсюда — важный тезис: не всё определяется экономическими отношениями, есть и иные отношения, и иные детерминанты. Приведем только один пример — любовь. Есть любовь как потребность (духовная, скажем, потребность), и она никак не определяется экономическим базисом. А есть «любовь» — за деньги, принудительная, проституцией называется или того хуже. С этой точки зрения можно вполне определённо говорить: этап, когда возникла экономика, — это этап проституирования отношений людей, а экономика, экономический способ удовлетворения потребностей людей, — это проституированный способ удовлетворения потребностей людей. Все потребности можно удовлетворять без экономики. Экономика — это просто то, что позволяет, как механизм, неким определённым образом установить порядок удовлетворения потребностей. Ноономика — другой механизм решения той же задачи. Часы — чтобы

узнавать время, но оно существует независимо от часов. И часовые механизмы могут быть совершенно разными.

Всё это указывает на то, что экономические отношения — это то, что принципиально противоречит рождающемуся объективно будущему, тому, что будет в ноообществе. Ноообщество, его жизнь, определенная материальным базисом ноономики, не будет построена на экономических отношениях, которые перестанут быть основой жизни общества и его развития. Экономические отношения исчезнут, а материальное производство никуда не денется, оно останется и будет развиваться без непосредственного включения в неё человека, как независимая система, но под контролем человека и для того, чтобы удовлетворять потребности людей, минуя экономический механизм распределения, обмен. Потому что каждый член общества будет получать индивидуально то, что он осознанно, в ноомире, считает необходимым для себя получить, независимо от «труда», «способностей» и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

Бодрунов С. Д. (2019с). Общая теория ноономики. М.: Культурная революция. — 504 с.

Бодрунов С.Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: НИО.2. — 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. — 327 с.

Бодрунов С.Д. (2019а). Государство и революция // Экономическое возрождение России. № 1. С. 9—16.

Бодрунов С.Д. (2019b). Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. № 4. С. 6—18.

Бузгалин А.В. (1996). Будущее коммунизма. М.: ОЛМА-ПРЕСС. - 111 с.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (1990). По ту сторону отчуждения (сборник политико-экономических гипотез). — М.: МГУ им. М.В. Ломоносова Москва, — 295 с.

Иноземцев В.Л. (1998). За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в соврем. мире — М.: Academia: Наука.

Кейнс М. (2009). Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики, № 6.

Маркс К. (2011). К критике политической экономии: пер. с нем. Маркс, Энгельс - творцы научного социализма. — 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ. — 176 с.

Момджян К.Х. (2019). О роли материального производства // Экономическое возрождение России. № 4. С. 37–43.

Платонов С. (1989). После коммунизма. М.: Молодая гвардия. — 280 с.

Румянцев А.М. (ред.) (1985). Политическая экономия: Учебник для неэкон. вузов / *Румянцев А.М., Козлов Г.А., Волков М.И.* и др. — 4-е изд., доп. М.: Политиздат. — 591 с.

Сорокин А.В. (2009). Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики: Учебник. М.: Экономика. — 587 с.

Тоффлер Э. (2003). Метаморфозы власти. М.: АСТ. — 669 с.

Цаголов Н.А. (ред.) (1974). Курс политической экономии. В 2-х т. Т. II. Социализм. Учеб. пособие для экон. вузов и фак. — 3-е изд., переработ. и доп. М.: Экономика. — 831 с.

Bell D. (1996). The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., Harper/Collins.

Sergey D. Bodrunov¹
 ON COMPARATIVE ANALYSIS OF NOONOMY AND
 SOCIALISM THEORIES*

Keywords: *noonomy, new industrial society of the second generation (NIO.2), communism, socialism, technological progress, industrial relations, property, marxism.*

This article reveals the fundamental difference between the theory of the second-generation New Industrial Society (NIS.2) and noonomy, on the one hand, and the theory of socialism and communism in Soviet Marxism on the other. It is shown that NIS.2 is the next stage of development of the social system, growing up in natural and evolutionary fashion as a result of technological progress and on the basis of a new type of material production. This production is knowledge-intensive, based on the technologies of promising structures and conditioning a gradual progress toward fully automated production, which in turn expedites, in particular, the diffusion and dying away of property relations and a shift of the leading role in society not to the working class, but to those social layers that are

most involved in the processes of acquiring and using knowledge, etc. The further advance of social development from NIS.2 to noonomy offers a way for humanity to break the bounds of economic being as such, and to proceed to a new, post-economic type of social relations — to transcend labour, in the traditional sense of this concept, and to move onward to “engagement” in a sphere that lies beyond material production. This transition occurs objectively and in evolutionary terms, and here too lies a difference between the theory of noonomy and the model, in Soviet Marxism, of communism as a “higher phase” — as a socio-economic formation that replaces capitalism, and the transition to which has a revolutionary character.

REFERENCES

Bell D. (1996) *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting.* N.Y., Harper/Collins.

Bodrunov S.D. (2019a) *The state and revolution.* In *Economic Revival of Russia.* No 1: 9—16. (In Russ.)

¹ *Sergey D. Bodrunov*, Doctor of Economics, Professor, Director of Institute of New Industrial Development (INID) n.a. S. Y. Vitte, President of Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists (IUE), Moscow, Russia (inir@inir.ru).

* *JEL codes:* B41, B52, O33.

Citation: Bodrunov S.D. (2020). On comparative analysis of noonomics and socialism theories // *Problems in Political Economy*, 3 (23): 52–66

DOI: 10.5281/zenodo.4067045 (<https://zenodo.org/record/4067045>)

Bodrunov S.D. (2016) *The future. New industrial society: Reboot: NIS.2e.* Saint-Petersburg: Institute of New Industrial Development (INID) n.a. S. Y. Vitte,. 327 P. (In Russ.)

Bodrunov S.D. (2019b) *Noonomy: ontological theses.* In *Economic Revival of Russia.* No 4: 6—18. (In Russ.)

Bodrunov S.D. (2019c) *General Theory of Noonomy.* Moscow: Culture revolution. 504 P. (In Russ.)

Buzgalin A.V. (1996) *The future of communism.* Moscow: OLMA-PRESS. 111 P. (In Russ.)

Inozemtsev V. L. (1998). *Outside of the economic society: Post-industrial theories and post-economic trends in the modern world.* Moscow: Academia: Nauka. (In Russ.)

Keynes, M. (2009). *Economic opportunities of our grandchildren // Issue of Economics, No. 6.* (In Russ.)

Marx K. (2011) *A Contribution to the Critique of Political Economy: Translation from Germany. Marx, Engels - creators of scientific socialism. Ed. the second one.* Moscow: LIBROKOM. 176 P. (In Russ.)

Momdzhyan K.Kh. (2019) *On the role of material production.* In *Economic Revival of Russia.* No 4: 37—43. (In Russ.)

Platonov, S. (1989). *After communism,* Moscow: Molodaya Gvardiya. - 280 P.

Buzgalin A.V., Kolganov A. I. (1990). *On the other side of alienation (collection of political economi hypotheses).* Moscow: Lomonosov Moscow state University Moscow. - 295 P. (In Russ.)

Rumyantsev A.M. (Ed.) (1985) *Political Economy. Textbook.* A.M. Rumyantsev, G.A. Kozlov, M.I. Volkov et al. Ed. the fourth one. Moscow: Politizdat. 591 P. (In Russ.)

Sorokin A.V. (2009) *Theory of Social Wealth. The Foundations of Micro- and Macroeconomics. Textbook.* Moscow: Economics. 587 P. (In Russ.)

Toffler A. (2003) *Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century: Translation from English.* Moscow: AST. 669 P. (In Russ.)

Tsagolov N.A. (ed.) (1974) *Course of Political Economy. In 2 V. Vol. 2. Socialism. Textbook. Ed. the third one.* Moscow: Economics. 831 P. (In Russ.)